

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой,
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,

Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился —
и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал;
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял — хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!

Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала,

Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина еще впереди.

1966

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала...
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны — вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.

И парень тот — он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

СКАЛОЛАЗКА

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты — и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —

Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны,
Стали оба мы скалолазами!

1966

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы — просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас — и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ¹

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в ём одном!
Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на «ты», —

¹ Эта песня посвящена Ларисе Лужиной.

Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею
был»...

Но что ей до меня — она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод — хоть, в общем, был
не вправе, —

Засел за словари на совесть и на страх...

Но что ей от того — она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Прошу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»

Но что ей до меня — она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..

Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они — я лучше пережду!

1966

И когда наши девушки сменят шинели
на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы
и не потерять!..

<1966 или 1967>

ГОЛОЛЕД

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю — в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там — гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только — лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может — зверь не упавши пройдет...
Гололед! — и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Зима 1966/67, ред. <1973>

* * *

Вот — главный вход, но только вот
Упрашивать — я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —

Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.

И меня — окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я — в амбиции
Довели до милиции.

И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.

А потом — перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчишки
Дали спать на диванчике.

Проснулся я — еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —
Встаю и, как всегда, — в окно,
Но на окне — стальные прутья!

И меня — патентованного,
Ко всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром — верь не верь —
Я встал, от слабости шатаюсь, —
И вышел в дверь — я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире — тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей — тягостно,
И живу я безрадостно.

Зима 1966/67

* * *

Корабли постоят — и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все — кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.

Возвращаются все — кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях
и в делах —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь — весь в друзьях
и в мечтах,
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

<1967>

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» — спросил я. «Садитесь!
...Закури!» — «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, — давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» — «Обязательно буду!»

«Ну так что же, — сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.

А видал ты вблизи пулемет или танк?

А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был
старшиной, —

За моею спиной — такое...

Много всякого, брат, за моею спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:

«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигаешь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!

А ты водку тут хлещешь со мною!..»

Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я — за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора

Я обидел его — я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

1967

* * *

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один — пусть мой!
Среди невзятых рубежей
Один — за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна — моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов

И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач — всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да — среда!..

1969

К ВЕРШИНЕ

*Памяти
Михаила Хергиани*

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.
Но они с тебя не сводят глаз —
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают — к ним пришла беда, —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхом отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел — ты не поверил слухам, —
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь — над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

МНЕ ЭТОТ БОЙ НЕ ЗАБЫТЬ НИПОЧЕМ

О МОЕМ СТАРШИНЕ

Я помню райвоенкомат:

«В десант не годен — так-то, брат, —
Таким, как ты, — там невпротык...»

И дальше — смех:

Мол, из тебя какой солдат?

Тебя — хоть сразу в медсанбат!..

А из меня — такой солдат, как изо всех.

А на войне как на войне,

А мне — и вовсе, мне — вдвойне, —

Присохла к телу гимнастерка на спине.

Я отставал, сбоил в строю, —

Но как-то раз в одном бою —

Не знаю чем — я приглянулся старшине.

...Шумит окопная братва:

«Студент, а сколько дважды два?»

Эй, холостой, а правда — графом был Толстой?
А кто евоная жена?..»
Но тут встретал мой старшина:
«Иди поспи — ты ж не святой,
а утром — бой».

И только раз, когда я встал
Во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!.. — и дальше пару слов
без падежей. —

К чему две дырки в голове!»
И вдруг спросил: «А что в Москве,
Неужто вправду есть дома в пять этажей?..»

Над нами — шквал, — он застонал —
И в нем осколок остывал, —
И на вопрос его ответить я не смог.
Он в землю лег — за пять шагов,
За пять ночей и за пять снов —
Лицом на запад и ногами на восток.

1971

ЧЕРНЫЕ БУШЛАТЫ

Евпаторийскому десанту

За нашей спиной
остались
паденья,
закаты, —
Ну хоть бы ничтожный,
ну хоть бы
невидимый
взлет!

Мне хочется верить,
что черные
наши
бушлаты

Дадут мне возможность
сегодня
увидеть
восход.

Сегодня на людях
сказали:
«Умрите
геройски!»

Попробуем, ладно,
увидим,
какой
оборот...
Я только подумал,
чужие
куря
папироски:
Тут — кто как умеет,
мне важно —
увидеть
восход.
Особая рота —
особый
почет
для сапера.
Не прыгайте с финкой
на спину
мою
из ветвей, —
Напрасно стараться —
я и с перерезанным
горлом

остались —
я знаю —
Не только паденья,
закаты,
но — взлет
и восход.

Два провода голых,
зубами
скрипя,
зачищаю.

Восхода не видел,
но понял:
вот-вот
и взойдет!

Уходит обратно
на нас
поредевшая
рота.

Что было — не важно,
а важен
лишь взорванный
форт.

С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе — как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему все не так? Вроде — все как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только — он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.

Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, —
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор:
Вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня — будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ —

тишина...

Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих...
Все теперь — одному, — только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

1969

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя!»?
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время!

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки — как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет, —
Не записывай Землю в калеки!

Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля — это наша душа, —
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

1969

СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

Сегодня не слышно биенья сердец —
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я уйду — придет другой».
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Вот кто-то, решив: после нас — хоть потоп,
Как в пропасть шагнул из окопа.

А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет?
Кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось — пусть будет вон тот,
Одетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же — мне громко стучало,
Что все же конец мой — еще не конец:
Конец — это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

1969

ЖИЛ Я С МАТЕРЬЮ И БАТЕЙ

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я заруюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!

Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ТОТ, КТО РАНЬШЕ С НЕЮ БЫЛ

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —

Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд,
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»

Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

1962

ВЕСНА ЕЩЕ В НАЧАЛЕ

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди, —
И вдруг приходят двое

С конвоем, с конвоем:
«Оденься, — говорят, — и выходи!»

Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

До мая пропотели —
Всё расколоть хотели, —
Но — нате вам — темню я сорок дней.
И вдруг — как нож мне в спину —
Забрали Катерину, —
И следователь стал меня главней.

Я понял, я понял, что тону, —
Покажите мне хоть в форточку Весну!

И вот опять — вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стыки рельс отсчитывают путь, —
А за окном — в зеленом
Березки и клены, —
Как будто говорят: «Не позабудь!»

А с насыпи мне машут пацаны, —
Зачем меня увозят из Весны!..

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» — «Не надо!»

«Нет, хватит, — без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит». —
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.

Как ласково нас встретила она!
Так вот, так вот какая ты, Весна!

А на вторые сутки
На след напали *суки* —
Как псы на след напали и нашли,
И завязали суки
И ноги и руки —
Как падаль по грязи поволокли.

Я понял: мне не видеть больше сны
Совсем меня убрали из Весны...

1962

* * *

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно, чтоб подраться,
Кто-нибудь находился.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу —
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу.
Но я не жалею!

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался —
Кто-нибудь находился —
И я с ним напивался.

И хотя во все светлое верил —
Например, в наш советский народ, —
Не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров, —
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Я всегда попадался —
И все время садился.

Говорят, что на место все встанет.
Бросить пить? Видно, мне не судьба,
Все равно меня не отчеканят
На монетах заместо герба.
Но я не жалею!

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться —
Нужно сильно напиться!

<1962 или 1963>

* * *

Сколько лет, сколько лет —
Всё одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Столько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался.

Ни кола ни двора —
И ни рожь с кожей,
И друзей — ни хера,
Да и быть не может.

Только — водка на троих,
Только — пика с червой, —
Комом — все блины мои,
А не только первый.

<1962>

ПРАВДА ВЕДЬ, ОБИДНО

Правда ведь, обидно — если завязал,
А товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку — все сказал Сашок, —
Двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный
четвертак!

На суде судья сказал: «Двадцать пять!
До встречи!»

Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь — терплю обиду, не показываю виду, —
Если встречу я Сашка — ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный
четвертак!

<1962>

ЗЭКА ВАСИЛЬЕВ И ПЕТРОВ ЗЭКА

Сгорели мы по недоразумению —
Он за растрату сел, а я — за Ксению, —
У нас любовь была, но мы расстались:
Она кричала и сопротивлялася.

На нас двоих нагрянула ЧК,
И вот теперь мы оба с ним зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

А в лагерях — не жизнь, а темень-тьмуца:
Кругом *майданщики*, кругом *домушники*,
Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения.

Ну а начальству наплевать — за что и как,
Мы для начальства — те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

И вот решили мы — бежать нам хочется,
Не то все это очень плохо кончится:
Нас каждый день мордуют уголовники,
И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот — в бега решили мы, ну а пока
Мы оставались всё теми же зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

Четыре года мы побег готовили —
Харчей три тонны мы наэкономили,

И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним в руке рука, —
Рукоплескали нашей дерзости зэка —
Зэка Петрову, Васильеву зэка.

И вот — по тундре мы, как сиротиночки, —
Не по дороге всё, а по тропиночке.
Куда мы шли — в Москву или в Монголию, —
Он знать не знал, паскуда, я — тем более.

Я доказал ему, что запад — где закат,
Но было поздно: нас зацапала ЧК —
Зэка Петрова, Васильева зэка.

Потом — приказ про нашего полковника:
Что он поймал двух крупных уголовников, —
Ему за нас — и деньги, и два ордена,
А он от радости все бил по морде нас.

Нам после этого прибавили срока,
И вот теперь мы — те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

1962

* * *

— Эй шофер, вези — Бутырский хутор,
Где тюрьма, — да поскорее мчи!

— Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

— Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер,
тогда вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

— Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
— Что ж, шофер, давай назад,
крути-верти свою баранку, —
Так ни с чем поедем по домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше — выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

<1963>

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права, —
Можно лишь — от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны — про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

<1963>

ПРО СЕРЕЖКУ ФОМИНА

Я рос, как вся дворовая шпана: —
Мы пили водку, пели песни ночью,
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.

Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи, —
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи.

В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод «Компрессор!»
Я отказался, а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.

Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина —
А он сидит и в ус себе не дует!

Теперь небось он ходит по кинам —
Там хроника про нас перед сеансом, —
Сюда б сейчас Сережку Фомина —
Чтоб побывал он на фронте на германском!

...Но наконец закончилась война —
С плеч сбросили мы словно тонны груза, —
Встречаю я Сережку Фомина —
А он Герой Советского Союза...

1964

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны— артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой — водку, вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,

И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству —

ДО «ВЫШКИ»...

1964

**ПИСЬМО РАБОЧИХ
ТАМБОВСКОГО ЗАВОДА
КИТАЙСКИМ РУКОВОДИТЕЛЯМ**

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр!

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что нам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог,
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену.

Мы понимаем — вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —

Небось когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что — реваншисты в Бонне,
Что — Вашингтон грозитя перегнуть, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд — без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, —
Мы одобряем линию его!

<1964>

АНТИСЕМИТЫ

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я — и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен — чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них — пострадавший от Сталина
Каплер,
Средь них — уважаемый мной Чарли
Чаплин,

Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев:
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо — они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи — живут там как боги...
На всё я готов — на разбой и насилие, —
И бью я жидов — и спасаю Россию!

1964

ПЕСНЯ ПРО УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.